

Л. И. ЩЕГОЛЕВА

**Рассказ о происхождении порфиры-багряницы
в Хронографии Иоанна Малалы
и Хронике Георгия Амартола
(сравнительный анализ)**

Хроника Георгия Амартола (далее — ХГА), оказавшая ощутимое влияние на древнерусскую культуру, является предметом постоянного и разностороннего научного интереса, однако литературная ее сторона изучалась только в общих чертах. Д. Е. Афиногенов исследовал внешнюю композицию, а также сделал акцент на общей идее.¹ Я. Н. Любарский обратил внимание на композицию ХГА, на характер персонажей,² И. С. Чичуров исследовал вопрос об авторе.³ К сюжетным рассказам ХГА как факту литературы обратились О. В. Творогов и Я. Н. Любарский. О. В. Твороговым была поставлена проблема сюжетного рассказа на материале славяно-русского перевода ХГА еще в 1970 г. Исследователь упомянул главные темы, дал краткое изложение содержания нескольких рассказов и краткий анализ приемов сюжетообразования.⁴ В 1996 г. Я. Н. Любарский поставил проблему сюжетного рассказа на материале византийских хроник.⁵ Наблюдения О. В. Творогова и Я. Н. Любарского над сюжетами ХГА открывают перспективу углубленного изучения в этом историческом произведении именно того слоя, который несет в себе свидетельства литературного творчества.

Я. Н. Любарский со ссылкой на К. Крumbaхера отмечает, что материал византийских хроник представлял собой своего рода «общее достояние», поскольку переходил из одного сочинения в другое.⁶ Это справед-

¹ Афиногенов Д. Е. 1) Композиция Хроники Георгия Амартола // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 102—112, 2) Об идейно-политической ориентации «Хроники Георгия Амартола» // Византийские очерки. М., 1996. С. 88—96.

² Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана Хроника, история жизнеописания // Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. СПб., 1992. С. 201—265.

³ Чичуров И. С. Культура VIII—XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989. С. 129—152.

⁴ Творогов О. В. Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 108—141.

⁵ Любарский Я. Н. Сюжетное повествование в византийской хронистике (постановка проблемы) // Византийские очерки. М., 1996. С. 39—49.

⁶ Любарский Я. Н. Сочинение. С. 203. Между прочим, у К. Крumbaхера тут же употреблена и более яркая метафора *der literarische Kommunismus* — «литературный коммунизм» (Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des ostromischen Reiches (527—1453). 2. Auflage. Munchen, 1897. S. 320).

ливое заключение, однако в характере заимствования был свой порядок. Заимствующий автор делал рассказ другим, подчинял своей линии изложения и своему взгляду на вещи. Поэтому из «общего достояния» одно бралось, а другое нет, что-то добавлялось, менялась композиция и тем самым тональность и даже идея. Это хорошо видно на материале рассказов ХГА при сопоставлении с рассказами Хронографии Иоанна Малалы (далее — Mal), один из которых является темой настоящей статьи.

Кратко о текстах. Mal сохранилась в единственном списке, без первой книги⁷ Славянский перевод Mal (далее — Мал) сохранился в разрозненном и неполном виде, и только в составе русских хронографов.⁸

ХГА сохранилась в большом количестве списков. Текстология памятника хорошо изучена, представлена в критическом издании К. де Боора.⁹ Славяно-русский перевод ХГА (далее — Врем) имеется в издании В. М. Истрина,¹⁰ давно ставшем библиографической редкостью. Первая книга Врем издана нами с исправлением ошибок истринского издания и с добавлением вариантов по некоторым вновь найденным спискам;¹¹ издан также перевод на русский язык всего текста по Троицкому списку (РГБ, ф. 173/1, № 100) (до 553 г.).¹²

Среди извлечений из Mal в ХГА есть несколько компактных по объему и содержанию рассказов: Смерть Зороастра, Открытие багряной краски мудрецом Гераклом (кн. II); Война Креза с Киром (кн. VI); рассказы о Ромуле, Стратиг Маллий и Февруарий (кн. VII). Каждый рассказ имеется в двух византийских и двух славянских текстах: Хронографии Иоанна Малалы (Mal), ее славянском переводе (Мал), Хронике Георгия Амартола (ХГА), Временнике Георгия Мниха (Врем).¹³ Для иллюстрации нашего подхода в настоящей статье мы выбрали рассказ Открытие багряной краски мудрецом Гераклом и происхождение порфиры-багряни-

⁷ Издан Dindorf L. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* N 25 Bonnæ, 1831 Bd 2—12 Переизд PG Vol 97 Col 65—718 (сохранены указания на страницы Боннского издания) Частично воспроизведен в издании М И Чернышевой (см след сноску) Как говорит К Крумбахер, «Малала так щедро оплодотворял на протяжении шести столетий всю народную историческую литературу, что сам он постепенно становится ненужным» (Krumbacher K. *Geschichte* S 329)

⁸ В М Истрин в свое время издал поочередно весь славяно-русский текст Mal с текстуальной критикой, с вариантами и с греческим параллельным текстом Благодаря усилиям М И Чернышевой, исследователи в настоящее время имеют под рукой весь текст и весь труд В М Истрина в компактном издании и с ценными комментариями (Истрин В М Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе Репринтное переизд всех книг / Подгот М И Чернышевой М, 1994) При цитировании Мал указываем страницы по этому изданию

⁹ *Georgii monachi chronicon* / Ed Carolus de Boor Leipzig, 1904 Vol 1—2 Переизд Ed stereotypa ed anni 1904 / Corr cur Peter Wirth Stuttgart, 1978 Vol 1—2 При цитировании указываем страницу и строку (с литерой Б) Э фон Муральтом издан греческий список Хроники из собрания Синодальной библиотеки, дальше отстоящий от славяно-русского перевода (Хронограф Георгия Амартола / Греческий подлинник, пригот к изд Э Г фон Муральтом СПб., 1859)

¹⁰ Истрин В М Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе Т I Текст Пг, 1920 При цитировании указываем страницу и строку (с литерой И)

¹¹ Матвеев В А, Щеголева Л И Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола в славянском переводе XI в) Кн I Славянский текст Русский перевод Комментарий // Герменевтика древнерусской литературы М, 2000 Сб 10 С 644—717

¹² Матвеев В А, Щеголева Л И Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола) Русский текст, комментарий, указатели М, 2000

¹³ Эти рассказы проанализированы нами последовательно на каждом этапе их культурно-исторической жизни (Щеголева Л И Сюжетный рассказ в Хронике Георгия Амартола проблема соотношения с источниками, древнерусская рецепция Автореф дисс канд филол наук М, 2003 С 13—14, 16)

цы как царской одежды,¹⁴ важный в связи с ключевым значением трактовки темы царя и царства в ХГА.

Результаты анализа приведены в настоящей статье с разной степенью подробности: детально изложен материал первого этапа (Mal → ХГА), а особенности славянских переводов представлены по канве греческих оригиналов. Привлекаются к сравнению самые яркие явления параллельного сюжета одной русской исторической компиляции — Летописца Еллинского и Римского (далее — Ел).

Проанализируем вначале различие двух греческих текстов.

Сюжет рассказа в Mal (VI в.) и ХГА (IX в.), на первый взгляд, один и тот же. Я. Н. Любарский считает, что за три века, разделяющие двух авторов, в манере подачи материала мало что изменилось.¹⁵ Нас будет интересовать как раз это «малое». Задача — заметить сюжетные и содержательные различия между параллельными рассказами в этих хрониках, тем самым обнаружить различия и в манере изложения, и в идеях VI и IX вв.

Ввод рассказа в общее историческое повествование, форма привязки являются значимой характеристикой авторского стиля. И в Mal, и в ХГА рассказ следует за сообщением о разделении Агенором земель между тремя сыновьями: Финиксом, получившим Тир, Сиром, получившим Сирию, и Киликом, получившим Киликию.¹⁶

В рассказе Mal не реализуется заявленная схема рассказа о каждом сыне. Подробно рассказывается только о Финиксе, и понятно почему: «государственный» подход требовал истории порфиры.

В Mal рассказ состоит из трех частей: находка Геракла, повеление царя Финикса о царской одежде, дальнейшая история порфиры у римских правителей. В ХГА рассказ короче, он состоит из двух частей: находка Геракла и повеление Финикса.

Рассказ начинается вводящей частицей γάρ «ведь», «ибо» и раскрывает сообщение: «Геракл — открыватель конхилии». Указатель γάρ значит: «дело было так».

Mal II	ХГА Б175
Ἐν δὲ χρόνις τῆς βασιλείας τοῦ Φοίνικος ἦν Ἡρακλῆς φιλόσοφος ὁ λεγόμενος Τύριος, ὃς τις ἐφεύρε τὴν κογχύλην· ἐπιζόμενος γὰρ ἐπὶ τὸ παράλιον μέρος τῆς Τύρου εἶδε ποιμενικὸν κύναν ἐσθίοντα τὴν λεγομένην κογχύλην, ὅπερ ἐστὶ μικρὸν εἶδος θαλάσσιον κοχλιοειδές, καὶ τὸν ποιμένα νομίζοντα αἰμάσσειν τὸν κύναν, λαβὼντα ἀπὸ τῶν προβάτων πόκον ἐρέας, καὶ βάπτοντα τὸν πόκον	Ἐν δὲ χρόνις τῆς βασιλείας τοῦ Φοίνικος ἦν Ἡρακλῆς ὁ Τύριος <καὶ> φιλόσοφος καὶ τῆς κογχύλης ἐφευρέτης. ἐπιζόμενος γὰρ ἐπὶ τὸ παράλιον μέρος τῆς Τύρου εἶδε ποιμενικὸν κύναν ἐσθίοντα τὴν λεγομένην κογχύλην Καὶ τοῦ ποιμένος νομίζοντος αἰμάσσειν τὸν κύναν, λαβὼν πόκον ἐρίου ἀπὸ τῶν προβάτων, καὶ ἐκμάξαντος τὸ καταφερόμενον ἐκ τοῦ στόματος τοῦ κυνός, καὶ βαφένος τοῦ πόκου,

¹⁴ Mal II, 76 Мал, 76 ХГА Б 175—23. И 37₁₁—24 В Троицком списке это место утрачено, В М Истрин приводит текст по списку ГБЛ, собр Ундольского, № 1289 Мы используем список 1456 г ГИМ, собр Уварова, № 1305, л 21 об

¹⁵ Любарский Я Н Сочинение С 216

¹⁶ Миф Малалы отличается от античных источников По распространенному античному мифу, сыновья Агенора — Финикс, Киликс, Кадм, Фасос, Финей Сир же — сын Аполлона и нимфы Синопы (Грейвс Р Мифы Древней Греции М, 1992 С 153 Согласно мифу, Финикс и Киликс, посланные отцом искать сестру Европу, дали имена Финикии и Киликии) По Mal, у Агенора четыре сына Кадм, Финикс, Киликс и Сир (Mal II, 30) О Кадме далее рассказывается отдельно, а земли Агенора должны быть разделены все-таки между тремя сыновьями — и это уже голос христианского автора

ὁ δὲ Ἡρακλῆς προσεσχηκῶς μὴ εἶναι αὐτὸ αἷμα, ἀλλὰ βάμματος παραζένου ἀρετὴν, ἐθαύμασε· καὶ γνοὺς ὅτι ἐκ τῆς κογχύλης ἐστὶ τὸ κατιόν βάμμα τοῦ πόκου, εἰληφῶς ἐκ τοῦ ποιμένου τὸν πόκον, ὥς μέγα δῶρον τοῦτο προσήγαγε τῷ βασιλεῖ τῆς Τύρου Φοῖνικι. καὶ ἐκπλαγεῖς καὶ αὐτὸς ἐπὶ τῇ θεᾷ τῆς ξένης χροᾶς τοῦ βάμματος, θαυμάζων τὴν τοῦτου εὐρησιν ἐκέλευσεν ἐξ αὐτοῦ τοῦ βάμματος κογχύλης βαφῆναι ἐρέαν καὶ γενέσθαι αὐτῷ περιβόλαιον βασιλικόν καὶ ἐφόρεσεν αὐτὸς πρῶτος ἐκ πορφύρας περιβόλαιον, καὶ πάντες ἐθαύμασαν τὴν αὐτοῦ βασιλικὴν ἐσθῆτα, ὥς ξένην θέαν. καὶ ἔκτοτε ἐκέλευσεν ὁ βασιλεὺς Φοῖνιξ μῆδ' ἄνδρα [τῶν] ὑπὸ τὴν αὐτοῦ βασιλείαν τολμᾶν φορεῖν τὴν τοιαύτην ἐνάρετον ἐκ γῆς καὶ θαλάσσης οὖσαν φορεσίαν, εἰ μῆτι αὐτὸν καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν βασιλεύοντας τῆς Φοινίκης διὰ τὸ γινώσκεισθαι τὸν βασιλέα τῷ στρατῷ καὶ παντὶ τῷ πλήθει ἐκ τῆς θαυμαστῆς καὶ παραζένου φορεσίας. πρῶν γὰρ οὐκ ἐγίνωσκον οἱ ἄνθρωποι βάπτειν χροᾶς ἱματίων, ἀλλὰ τὰς τῶν προβάτων ἐρέας, οἷαι καὶ ἦσαν, ταύτας ἐποιοῦν ἱμάτια καὶ ἐφόρουν. καὶ οἱ βασιλεῖς δὲ τὰς αὐτὰς χροᾶς τῆς τυχοῦσης ἐρέας ἱμάτια ἐφόρουν, καὶ οὐκ εὐχερῶς ἐγνωρίζοντο τῷ ὑπηκόῳ πλήθει οἱ βασιλεῖς.	προσέσχευεν ὁ Ἡρακλῆς μὴ εἶναι <αὐτὸ> αἷμα, ἀλλὰ βάμματος πρόζενον. ὁ καὶ θαυμάσας ὥς μέγα δῶρον <τοῦτο> προσήγαγε τῷ βασιλεῖ Φοῖνικι, ὃς <καὶ> μάλλον ἐκπλαγεῖς ἐκέλευσεν ἀπὸ κογχύλης ἔριον βαφῆναι καὶ γενέσθαι αὐτῷ περιβόλαιον, καὶ πρῶτος φορέσας ἐκς πορφύρας ἱμάτιον, πάντες ἐθαύμασαν τὴν ξένην <ταύτην> ἐσθῆτα, ἦν καὶ ἐθέσπισεν ὁ Φοῖνιξ μῆδ' ἄνδρα τῶν ὑπὸ τὴν βασιλείαν αὐτοῦ τολμᾶν φορεῖν, εἰ μῆτι αὐτὸν καὶ τοὺς μετ' αὐτὸν βασιλεύοντας τῆς Φοινίκης πρὸς τὸ γνωρίζεσθαι τὸν βασιλέα τῷ στρατῷ καὶ παντὶ τῷ πλήθει ἐκ τῆς τοιαύτης ἐσθῆτος. πρῶν γὰρ οὐκ ἐγίνωσκον οἱ ἄνθρωποι <βάπτειν> χροῖας <ἱματίων>, ὅθεν οὐδὲ ραδίως ὁ βασιλεὺς ὑπὸ τῶν ὑπηκόων ἐγνωρίζετο.
---	--

Содержательное отличие рассказа в ХГА зиждется на тонких синтаксических показателях. Они отчетливо видны, если рассмотреть текст в параллельных столбцах (перевод наш — строго пословный):

Mal II	ХГА Б175
Во времена же царствования Финикса был Геракл философ, называемый Тирским, который избрал конхилию: ибо, прохаживаясь по приморской части Тира города, он увидел пастушеского пса, поедающего так называемую конхилию, то есть вид маленькой морской раковины,	Во времена же царствования Финикса был Геракл, тириец и философ и конхилии изобретатель. Ибо, прохаживаясь по приморской части Тира города, он увидел пастушеского пса, поедающего так называемую конхилию.

и пастуха, считающего, что **окровавилась** собака, взявшего от овцы клочок шерсти

и окрасившего шерсть, Геракл же, заметив, что это была не **кровь**, но **краски** необычной свойство,

удивился и, узнав что от раковины нисходит

окраска шерсти, взяв у пастуха клочок как великий дар это принес царю Тира Финиксу

И (тот) поразившись и сам видом необычного цвета **краски** удивляясь ее находке, повелел этой **краской** из раковины **окрасить** шерсть и сделать ему одежду царскую,

и надел сам первым из **порфиры** одежду, и все удивились его царской одежде как необычному зрелищу

И с тех пор повелел царь Финикс, чтобы никто, кто под его царством, не смел носить такую прекрасную из земли и моря происходящую одежду, только он сам и после него царствующие в Финикии,

чтобы узнавало царя войско и весь народ по такой удивительной и необычной одежде Ибо раньше не умели люди окрашивать цвета

гиматиев, но от овец шерсть, какая была, из такой делали гиматии и носили И цари те же самые цвета, из той, что была, шерсти гиматии носили

И не легко узнавались подданных множеством цари

И когда пастух, думая, что **окровавилась** собака, взял клочок шерсти от овцы и вытер льющееся из пасти собаки, и **окрасилась** шерсть, понял Геракл, что это была не **кровь**, но **краски** подобие

И, удивившись,

как великий дар это принес царю Финиксу который еще больше удивившись

повелел от раковины шерсть **окрасить** и сделать ему одежду

И, первым надел из **порфиры** гиматий, все удивились необычной этой одежде,

которую и повелел Финикс никому из тех, кто под царством его, не сметь носить,

только ему и после него царствующим в Финикии, чтобы узнавало царя войско и весь народ по такой одежде Ибо раньше не умели люди окрашивать цвета гиматиев,

поэтому не легко царь подданными узнавался

Первая часть рассказа — открытие «конхилии».

Начало рассказа в обеих хрониках совпадает: «Во времена Финикса в Тире (одном из двух главных городов Финикии — *Л Щ*) жил мудрец Геракл, изобретатель конхилии». В *MaI* поясняется понятие конхилии: τὴν λεγομένην κογχύλην, ὅτι ἐστὶ μικρὸν εἶδος θαλάσσιον κοχλιοειδές «так называемую конхилию, то есть маленькую морскую раковину». В *ХГА* глоссы нет.

В *MaI* картина, которую «Геракл увидел», плетется тонким кружевом из последовательно подчиненных причастных форм; пастух и пес поставлены в позицию объекта наблюдения Геракла (имена и предикаты-причастия в аккумулятиве), от пастуха идет еще одна зависимая предикация: «пастух считает [что пес окровавился]» Это толчок к действию пастуха: «он берет клочок шерсти», вытирает пасть (этот шаг не выражен), далее следствие: «шерсть окрасилась». В таком синтаксисе скрыто неблагополучие с тем, что в теории литературы называют точкой зрения: Геракл видит то, чего видеть не может, — мысли пастуха. Авторская точка зрения спрятана в синтаксической раме «пастух считает [что пес окровавился]», которая в свою очередь включена в раму «Геракл увидел [что пастух считает и т. д.]». Догадка Геракла представлена в противопоставлении («не кровь, а краска»), откуда следует, что это Геракл сначала «думал, что пес окровавился». Автор передал свое предположение сначала пастуху, потом Гераклу («не кровь, а краска»). Итак, в эпизоде помещены точки зрения пастуха, Геракла и автора.

В ХГА точки зрения Геракла и пастуха синтаксически разведены. Пастух с его догадкой и действиями вводится новой причастной конструкцией *genitivus absolutus*: καὶ τοῦ ποικίλου νομίζοντος λαβών. Кружево Малалы утрачено, зато стало прозрачнее изложение авторской мысли. Это отличие от Mal можно оценить как совершенствование формы рассказа. Конечно, и в ХГА автор забегает вперед, изображая свое знание как знание пастуха.

Интересно, что в русских хронографах, в Ел и в Прибавлении к Палее,¹⁷ в которых этот рассказ соответствует Мал, о пастухе говорится в новом предложении, так что пастух синтаксически отделен от Геракла, как и в ХГА. Возникает текстологическая проблема: откуда идет это совпадение с ХГА, кому принадлежит упрощение синтаксиса?

Первый эпизод содержит признаки сюжетной организации: прогулка Геракла, указание места прогулки (назначение этой детали — показать связь краски с морем); картину оживляют собака и пастух, показана смена предположений Геракла, его эмоциональная реакция на увиденное. Есть элемент «напряжения действия», рассчитанного на любопытство (кровь? краска?). Напряжение держится на длине одной конструкции и тут же снимается. Геракл высоко оценивает свое открытие, как будто уже предвидя историческое значение пурпура.

Вторая часть рассказа — история происхождения порфиры-багряницы. Геракл лишь передает предметное доказательство открытия и больше не упоминается. Финикс связан с Гераклом только тем, что, по-видимому, удивляется краске в его присутствии. Воображение должно дорисовать процесс передачи предмета открытия царю — как именно, не сказано. Во второй части нет собственно рассказа, это сообщение о факте с познавательной функцией: Финикс, «порадившись» и «удивившись», повелел окрасить шерсть и сшить из нее царскую одежду. Слабый признак привязки к «здесь и теперь»: когда он надел ее, все удивились.¹⁸

Сообщение о порфире-багрянице как одежде будущих царей в Mal маркировано наречием-указателем *ἐκ τότε* «с тех пор». Это формальный признак рассказа этимологически-исторического жанра (объяснение названий местностей, стран и народов именами легендарных основателей). В ХГА такого маркера нет; вместо отталкивания от времени в ХГА стоит местоимение *ἐν* вин. «которую» — привязка к предмету. Отсутствие итогового указателя «с тех пор» включает рассказ ХГА в иной, сравнительно с Mal, жанровый ряд: в Mal — рассказ «начала», в ХГА — рассказ «конца».¹⁹

¹⁷ Летописец Еллинский и Римский Т 1 Текст СПб, 1999, Т 2 Комментарий и исследование О В Творогова СПб, 2001 С 135, 205 При цитировании указываются страницы по этому изданию

¹⁸ Персонаж «все» — обычная принадлежность рассказа в византийской хронике, он присутствует во многих сюжетах, построенных на антитезе правитель — «все» Чаше всего это просто «все», как в рассказе о Финиксе, по обстановке это может быть народ, горожане, войны, клир «Народ» подтверждает авторскую, в основном христианскую идею, как бы ее узаконивает Свое положительное отношение к событиям он выражает тем, что удивляется, поражается и т п или произносит какую-нибудь реплику Идет ли схема «правитель — народ» от социальной реальности или является чисто литературным построением? В рассказе о Ромуле «народ» выполняет другую функцию, он регулирует поведение правителя, заставляет его действовать

¹⁹ Наблюдение о рассказах «начала» и «конца» принадлежит Ю М Лотману По его мысли, в историческом произведении выражается стремление человека осмыслить прошлое, понять, «что и как было» На свое прошлое можно смотреть с точки зрения «начала» («откуда пошло») или «конца» («к чему привело») Это различие взглядов идет из архаических пластов культуры По преобладанию того или иного взгляда можно говорить о рассказах

Первая книга ХГА, называемая «Книга происхождения человека», заимствуя сюжеты Малалы, казалось бы, должна была бы заимствовать и идею «начала». Но ничего подобного. В ХГА часто отсутствует маркер идеи «начала»; получается, что идея происхождения как таковая Георгия не волновала. Он не заимствовал ее у Малалы вместе с его рассказами. Предположим большее: доминирующая эсхатологическая идея подавила в ХГА альтернативный ей интерес к инициальности. Славянские переводы сохранили это различие, а Врем даже заменил «которую» на чистый присоединитель «и» Георгий Амартол (и далее переводчик ХГА) расширяет рассказ Иоанна Малалы, присоединяя к нему и то, что у Малалы в картину уже не входит.

В третьей части по Mal подробно говорится о судьбе пурпурной одежды после Финикса; все завершается акцентом на власти Рима. В терминах сюжета это — послесловие к рассказу о краске. Повествование Mal в данном случае, как и во многих других, следует не хронологическому, а ассоциативному принципу.

В ХГА третьей части нет. В отличие от своего предшественника, составитель ХГА не выходит за рамки «времени Финикса». Хронологический принцип соблюден Георгием более последовательно, чем Малалой.²⁰ Рассказ Амартала является более компактным по объему и более завершенным содержательно. Это внешнее композиционное отличие, вместе с перестройкой (в сторону совершенствования) точек зрения, является показателем творческой работы автора ХГА над источником.

Перейдем к рассмотрению ключевой лексики рассказа. Лексика — это первое, что замечается при чтении книги и создает впечатление часто помимо содержания. Можно говорить о художественном воздействии на читателя чисто лексического уровня рассказа. Звучание имени царя и страны вызывает множество культурных ассоциаций. По-гречески имя царя «Финикс», этноним «финикиец» и название пурпурного цвета, пурпурной краски звучат одинаково: Φοίνιξ.²¹

Финикийцы считались изобретателями пурпура в античной традиции.²² Православные толкователи Библии отмечают, что именно у берегов Финикии в изобилии водились моллюски, из которых получали густую красную краску (евр shani), и что секрет приготовления этой краски знали только финикийцы.²³

«начала» и рассказах «конца» Категория начала отчетливо видна в рассказах о происхождении (народов, стран, обычаев) Ю М Лотман видит ее в таких древнерусских произведениях, как «Повесть временных лет» и «Слово о полку Игореве» (Лотман Ю М Внутри мыслящих миров Человек Текст Семиосфера История М, 1999 С 219)

²⁰ В данном случае В ХГА тоже есть примеры пронизывания временных пластов, выход за рамки ячейки «царствования» Пример — сюжет об Афанасии Александрийском, построенный по законам житийного, а не хронографического рассказа См Щеголева Л И Житие святого Афанасия Александрийского в переводной литературе Древней Руси // Мир житий Сб материалов конференции (Москва, 3—5 октября 2001 г) М, 2002 С 12—25

²¹ Относительно происхождения слова и его значений в науке нет единого мнения В словаре Фриска приводится три гипотезы Одни исследователи первичным считают этноним Другие связывают со словом φοινῶς как раз название краски, от которой уже произошли этноним Φοίνικες — «финикийцы» («красные люди») и название страны Φοινίκη — «Финикия» («красная земля») П Шантрен видит в названии народа «финикийцы» и страны «Финикия» слово иллирийского происхождения (см Frisk H Griechisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg, 1970 Bd 2 S 1033—1034)

²² См Liddel H G, Scott R A Greek-English Lexicon Oxford, 1925—1936 Vol 1—2 Vol 2 P 1948

²³ См Толковая Библия или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета СПб, 1908 Ч 2, т 5 С 257

В новозаветное время первичная основа φοῖνιξ употреблялась в трех значениях: 1) «пальма» или «пальмовый лист»; 2) «птица Феникс» и 3) город на Крите.²⁴ В творениях отцов церкви первые два значения могли объединяться как образ Воскресения Христова в толкованиях Пс. 91:13.²⁵ Именование пурпурной краски перешло к производной основе φοινικῶν (ср. р. от адъектива φοινικῶς «пурпурный»). Слово встречается в анонимном 1 Послании к коринфянам (его приписывают Клименту, папе Римскому): «И если будут грехи ваши, как пурпур (φοινικῶν), убелю их как снег; и если будут как червлен, то убелю их как волну».²⁶ Данное место является цитатой из Книги пророка Исаии, где говорится (русский текст по синодальному переводу): «Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное (ὡς φοινικῶν), — как снег убелю; если будут красны, как пурпур²⁷ (ὡς κόκκινον), — как волну (ὡς ἔριον) убелю» (Ис. 1:18). Синонимическое усиление «багряное» и «пурпур» в данной цитате символизирует кровь. Это видно по предшествующему контексту: «И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови» (Ис. 1:15).

Важное концептуальное различие лежит за названием одежды царя в Μαλ и ΧΓΑ — пожалуй, единственным существенным лексическим расхождением двух рассказов. В Μαλ порфиновая одежда царя названа ἐκ πορφύρας περιβόλαιον, в ΧΓΑ — ἐκ πορφύρας ἱμάτιον. Второе именование прямо выводит на евангельский рассказ о глумлении стражников над Иисусом, когда на Него надели терновый венец и «порфиновый гиматий», ἱμάτιον πορφύρεον, как на Царя Иудейского (Ин. 19:2, ср. τὸ πορφύρεον ἱμάτιον — там же, 19:52).²⁸ «Пурпуровый гиматий» (ἱμάτιον ὀλοπόρφυρον) — это также то, чем накрывали жертвенник в ветхозаветной скинии собрания (Чис. 4:13; ср.: Чис. 4:14).

Итак, рассказ переключается с библейско-евангельскими текстами через общую лексику — ἔριον «руно (овечья шерсть)»,²⁹ αἵμασσειν «окровавиться», αἷμα «кровь», πορφῶρα «пурпур», ἱμάτιον «гиматий», βασιλεὺς «царь».

В рассказе по Μαλ три «лишних» краски (βάμμα)³⁰ по сравнению с ΧΓΑ. Георгий Монах здесь более сдержан.

²⁴ Bauer W Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der urchristlichen Literatur Berlin, 1963 Sp 1709

²⁵ См Lampe G W H A Patristic Greek Lexikon Oxford, 1952 P 1487

²⁶ Св Климента еп Римского к Коринфянам послание I Гл 8, ст 4 // Писания мужей апостольских / Введение, перевод с греч и примеч прот П Преображенского Дополнения введение, перевод с греч и примеч свящ В Асмуса и А Г Дунаева Рига, 1994 (репринтное воспроизв изд 1895 г с доп) С 117

²⁷ Русское «пурпур», употребленное в Ис 1 18 в синодальном переводе Библии в соответствии с κόκκινον, здесь не на месте. Лучше было бы взять слово «червленое» (как в Острожской Библии). Русское «пурпур» — транскрипция латинского звучания purpura ас f, в соответствии с πορφῶρα ἡ

²⁸ В Евангелии от Матфея стражники надевают на Иисуса «хламиду червленую», χλαμίδα κόκκινην (Мф 27 28), ἱμάτιον πορφύρεον присутствует в разночтениях к этому месту. У Матфея важной доминантой рассказа о страстях Христовых является тема «крови», отсутствующая в остальных трех Евангелиях «согрешил я, предав кровь невинную» (27 4), «цена крови» (27 6), «землею крови» (27 8), «невиновен я в крови Праведника Сего» (27 24), «кровь Его на нас и на детях наших» (27 25)

²⁹ У Феодора Студита «руном цвета пламени» (τὸ φλογόφανές.. ἔριον), т е «овечьей шерстью, окрашенной в червлёный цвет», именуется Богородица (Lampe G W H A Patristic P 1422)

³⁰ Согласно «Диалогу с Трифоном иудеем» Юстина философа, иудеи должны были носить на себе «червленую краску» (κόκκινον βάμμα), в русском переводе — «красный лоскут», чтобы он постоянно напоминал им о Боге (Св Иустин, философ и мученик Творения

В эпилоге *Mal* упоминаются пурпуровые «хламиды» (χλαμύδας πορφύρας) римских царей и пурпуровые нашивки (ταβλία πορφύρα) на «хламидах» (χλαμύδας) римской знати (*Mal* II, Bonn 33). «Хламиды» в данном контексте переключаются с «червленной хламидой» (χλαμύδα κοκκίνην), в которую одели Христа стражники в Евангелии от Матфея (27:28).

В *Mal* пурпурная одежда царя названа «происходящей из земли и моря»: из земли, видимо, потому, что на ней пасутся овцы, дающие шерсть, а из моря — потому, что в нем водятся ракушки, из которых добывают пурпурную краску.³¹ В ХГА это определение *Mal* опущено, в *Мал* осталась только его первая часть (ῶ *земля*).

Пурпур являлся культурным знаком в византийском средневековье. С. С. Аверинцев со ссылкой на Иоанна Златоуста отмечает, что в Византии люди, осмелившиеся надеть на себя пурпурную одежду, которую имели право носить только императоры, бывали казнимы за крамолу. Кроме привилегии носить пурпурную одежду византийские императоры обладали также привилегией писать пурпурными чернилами. По наблюдению С. С. Аверинцева, на этом основано сравнение крови Христа с пурпуром чернил у Романа Сладкопевца (кон. V в.—ок. 560).³² Так культурная схема связи порфиры с кровью отражалась на уровне реалий византийской жизни.³³

Итак, сюжет о Геракле и о царе Финиксе глубже, чем «этимологический рассказ». По классификации О. В. Творогова, этот рассказ относится к небольшому числу сугубо светских рассказов в ХГА, «включение которых можно отнести за счет естественного, хотя и искусственно подавляемого и изгоняемого, интереса к занимательному, удивительному, любопытному».³⁴

Проведенный анализ греческих текстов позволяет уточнить мысль о «сугубой светскости» этого рассказа. При ближайшем рассмотрении в нем открывается христианское направление мысли автора-монаха. Это не исключает интереса к просто по-человечески любопытному, вполне уживается с ним.

Обратимся теперь к славянским переводам греческих текстов. Рассказ о Геракле в *Мал* выглядит более тревожным, более наполненным лексикой крови, чем во *Врем*:

М, 1995, репринтное изд. М, 1892 С 204—205) Это реминисценция на библейскую книгу Чисел (15 38), где на месте «червленной краски» говорится о «гиацинтовой нити» (κλωσὶς ὑακίνθινον). Таким образом, «Диалог» Юстина дает дополнительные сведения о цвете гиацинта (напомним, что в античности гиацинт — цветок с кроваво-красными лепестками, согласно мифу, выросший из крови нечаянно убитого Аполлоном юноши Гиацинта). В синодальном переводе на этом месте «нити из голубой шерсти»

³¹ Ср о скинии свидетельства во *Врем* «пурпурное означает море, так как в нем живут улитки, от которых бывает такая окраска, а виссон (белая льняная ткань — Л III) — землю, так как на ней произрастает» (*Врем*, 50). Пурпур и виссон являлись символами богатства и власти, ср начало известной евангельской притчи о богаче и Лазаре «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру (πορφύραν) и виссон (βύσσον) и каждый день пиршествовал блистательно» (Лк 16 19).

³² Аверинцев С С Поэтика ранневизантийской литературы М, 1974 С 118, 126.

³³ Особой темой является символика порфиры (багряницы) в патристике, агиографии, гимнографии. Она основана, с одной стороны, на связи багряницы с царством (прежде всего Небесным), а с другой — с кровью (например, с кровью мучеников, которая является гарантией этого Царства). Поэтому облачением в порфиру могут называться и крещение, и мученический подвиг.

³⁴ Творогов О В Беллетристические элементы С 111

Мал	Врем
въ тѣхъ же лѣтѣхъ црѣва Финникова вѣ Ираклѣ нарицаемыи философ⁹ Тоурѣхъ иже шерѣ-те коньхилъ. играа бо на странѣ яже на^а моремъ Турьска града, видѣ пса пастоушьска адоуца нарицаемоу коньхилъ. пастоухоу^ж мнѣщѣ, кровню агньца шкрова-вившюся псѣ, и штираюцю^с псѣ шкровавивша швчиноу. разѣмѣв же Ираклѣ не соущѣ се крови, но багорѣ чюдна дѣла, дивиса. и разѣмѣ, тако ѿ коньхилъ есть багорѣ на рѣнѣ, и въземъ ѿ пастоухъ рѣно, акы великѣ даръ принесе црѣо Тир'скѣ Финникѣ. и дивиса црѣ видѣнію дивноу шара ба-граного, чюдиса шерѣтению, повелѣ конуиломъ шчрѣвивше козичинѣ исткати емѣ ризѣ црѣскоу. и тон нача прѣвее носити прѣфирманоу ризоу. и вси чюжахоуся ризѣ црѣстѣи тако дивно видѣніе. и ѿтолѣ повелѣ црѣ Финникѣ никомоу же соущинѣ по^а цртвомъ его носити таковаа доброты соущаа ѿ землаа шдеж^аа, но самомоу точно и иже по немъ црѣтѣють Финникомъ, да боудетъ црѣ знае^ж конны и всѣмъ на-родомъ ѿ чюднаго и дивнаго шдѣніа. пре^ж бо не вѣдѣахѣ члци чрѣвити и ба-грнти ризѣ, но вѣзнами тако^ж на швци вѣаше, такы^ж и ризы ношаахоу твораще. и црѣе е^ж тацѣми лицаа таже^с лоуцааше арина такы^ж ризы ношаахѣ. и неоудобѣ вѣахѣ знаеми повинны^ж лю-демъ.	•дї• въ време^ж же црѣгва Финниковы вѣ Браклѣи тѣранинѣ премоудрын и кохилии шерѣта-тель. ходаа бо и веселася при мори страны Тур'ския видѣ грича пастоушнаго адоуца глѣмоу коньхилии. и пастоухоу мнѣщѣ кровь текоущоу из грича, вземъ ѿ овчнѣ волнѣ рѣно штре истѣ-кающе изъ оустѣ грича. и шчрѣвив'шоуся роуноу и разоумѣ Ирак-лин, тако не кровь е^с но чрѣви подобно. и оуди-вивсѣ емоу зѣло, тако великѣ даръ принесе црѣи Финникоу. па^ч оудивиса црѣ, повелѣ ѿ коньхилии шчрѣвити роуно и сѣтвори (др. сп.: сѣтворити) совѣ шде-ж^аоу. в' то сѣ первѣе шдѣвѣ портѣ ѿ прапрѣ-лаа всѣми лю^дми оудивленѣ бы^с чю^аныа ра^а шдеж^аа. и повелѣ Финникѣ црѣ соущинѣмъ по^а своею швластною не смѣти в' такои шдеж^аи чрѣвленѣхѣ ходити, токмо са^ж и по немъ хотѣшимъ быти црѣмъ в Финницѣ, да з^нати боудетъ црѣа коемъ и всемоу множествоу людин ѿ таковыа шдеж^аа. древле бо не разоумѣвахоу члци черви различныа, тѣмъ и въ вор'зѣ не познаахоу црѣа ѿ соущинѣхъ по^а нимъ.

Для убедительности приведем лексику «красного» по четырем источникам:

Mal	Мал	ХГА	Врем
—	Кровню агньца	—	—
Αἰμάσσειν	Шкровавившюся псѣ	αἰμάσσειν	кровь текоущоу из грича
βάπτοντα	Шкровавивша швчиноу	βαφέντος	шчрѣвив'шоуся роуноу
αἷμα	не соущѣ се крови, но багорѣ	αἷμα	не кровь е ^с но чрѣви
βάμματος	Багорѣ	βάμματος	чрѣви
βάμμα	ѿ коньхилъ есть багорѣ	—	—

χρῶας τοῦ βάμματος	шара багряного	—	—
βαφῆναι	Конхиломъ шчеръвикише	βαφῆναι	Ѡ конхилин шчеръви- ти
Ἐκ πορφύρας	Прѣфряноу ризоу	ἐκ πορφύρας	портъ Ѡ прапрѣда
ἐνάρετον	Таковаа доброты одежаа	—	в такон одежѣи чръваленѣ
βάπτειν χρῶας	чръвити и багрити	βάπτειν χρῶας	чръви раздичныа

Во Врем в этом рассказе нет лексемы шаръ, нет багрового — в Мал четыре лексемы основы багоръ / багр-. Усиливает впечатление замена в Мал «окрасившего (шерсть)» на шкровавивша.

В Мал 6 раз употреблено слово риза — для перевода греч. περιβόλαιον «верхняя одежда, плащ», ἐσθῆς «одежда», ἱμάτιον «гиматий». Это сближает текст Мал с церковнославянским переводом Евангелия от Иоанна, где именно словом риза переводится греч. ἱμάτιον, в который облекли Христа: и въ ризоу багряноу облекоша и (19:2), и въ багряноу ризоу (19:5). В Мал преобладает лексика «багряного», во Врем — «червленого»: 5 раз употреблены слова с основой -червь- (-черъ-, чръв-, чръв-), перекликающиеся в свою очередь с Евангелием от Матфея, где Иисуса одели хламидоу чръвкноу в соответствии с греч. χλαμῶδα κοκκίνην (27:28).³⁵ В Мал царская одежда — риза, во Врем — портъ, (ἱμάτιον греч. оригинала). Судя по данным словарей, портъ — это древнерусское название одежды, в отличие от церковнославянского риза (дополнительный штрих в пользу древнерусского происхождения перевода ХГА).³⁶

Особого внимания заслуживает выражение «кровь агнца», которое есть только в Мал: пастоухоу * мнѣицъ кровню агнца шкровавившюса псѣ, оно отсутствует в остальных трех текстах (Mal, ХГА и Врем). В. М. Истрин в комментарии к этому месту показал это сопоставлением текстов, отметил его отсутствие во фрагментах, изданных Мюллером.³⁷ При наличии единственного свидетельства вопрос об авторе выражения «кровь агнца» не может быть решен однозначно. Исходя из критерия стиля, наиболее вероятно предположение о вставке в славянском тексте.

Сочетание «кровь агнца» корреспондирует с целым рядом новозаветных текстов. «Агнец» — имя и прообраз Христа в Ин. 1:29, 36; 1 Кор. 5:7; 1 Петр. 1:19 и во множестве мест Откровения Иоанна. Кровь, пролитая Спасителем на кресте, мыслится как кровь Агнца: Мф. 26:28 (= Мк. 14:24; Лк. 22:20); Ин. 6:53—55; 19:34; Деян. 20:28; Рим. 3:24—25; 5:9; 1 Кор. 10:16; 11:25; Еф. 1:7; 2:13; Кол. 1:14, 20; Евр. 9:12—14; 10:19—20,

³⁵ Архангельское евангелие 1092 года Исследования, древнерусский текст, словоуказатели / Изд. подгот Л П Жуковская, Т Л Миронова, Отв ред Т Л Миронова М, 1997 С 250, 276

³⁶ Так, в старославянских текстах зафиксировано единственное употребление слова прѣтъ в значении («льняной») фитиль (греч. λινον) в Мф 12 20 и более 100 употреблений слова риза в значении («верхняя») одежда (Старославянский словарь по рукописям X—XI веков / Под ред Р М Цейтлин, Р Вечерки и Э Благовой М, 1994 С 531, 381—582) Согласно словарю Срезневского, прѣтъ встречается в основном в древнерусских памятниках — летописях, повестях, документах, в то время как риза — в переводных произведениях или в специальном церковном значении (Срезневский Материалы Репринтное изд СПб, 1895 Т 2 Стб 1753—1755, Т 3 Стб 120—122, здесь же приведен пример перевода греч ἱμάτιον в другом месте Врем словом порты), в словаре Дьяченко первое значение слова порты (мн от портъ) — «вообще древнерусская одежда», второе — «мужское исподнее платье портки» (Дьяченко Г, прот Полный церковнославянский словарь М, 1993 — репринтное изд 1900 г С 458)

³⁷ Истрин В М Хроника Иоанна Малалы С 50

29; 12:24; 13:12, 20; 1 Петр. 1:2, 18—19; 1 Ин. 1:7; 5:6, 8; Откр. 1:5—6; 5:9.

Непосредственно кровь Агнца упоминается в 1 Петр. 18—19 и в Откровении Иоанна: *и испраша ризы свои и оубѣлиша ризы свои в крови агньчи* (Откр. 7:14, ср.: 12:11). Вся картина — в Откр. 5:6—9.

Таковы христианские ассоциации, связанные с этим выражением. Повидимому, здесь имеет место характерное для средневековья сосуществование двух уровней значений одного и того же текста, когда за реальным значением (кровь ягненка, окрасившая руно) открывается второй, символический уровень (кровь Христа как Агнца Божия).

Мотив крови агнца оказался слишком значимым, фраза из Мал в таком именно виде взята в последующие русские хронографы, она есть в Ел (Ел, 205) и в связанном с ним общим источником «Прибавлении к Палее».

После «крови агнца» неудивительно видеть в Мал *шкровакивши швичиноу* на месте «окрасилась шерсть» (по Мал, ХГА и Врем). За Мал следуют упомянутые выше русские исторические компиляции (Ел и «Прибавление к Палее»).

Еще одно различие двух славянских текстов наблюдается в передаче приказа Финикса. В Мал царь «повелел никому не носить такой одежды, кроме себя» — во Врем «повелел никому не сметь носить такую одежду, кроме себя»: *и ѿтолѣ повелѣ црь Финикъ никомуже соущиныхъ поа црѣтвомъ его носити таковаа доброты соущаа ѿ землаа ѡдежаа* (Мал II, 762); *и повелѣ Финикъ црь соущинмъ поа своею властию не смѣти в' такои ѡдежи чръвленѣ ходити* (И 37₂₀ по сп. Унд).

В обоих греческих текстах есть *τολμᾶν* «сметь». Отсутствие соответствия для *τολμᾶν* в Мал объясняется, скорее всего, не отсутствием его в протооригинале перевода,³⁸ а утратой славянского текста. Потеря одного слова в данной фразе не влекла перестройки всей фразы, но потеря содержательная велика: приказ Финикса в Мал смотрится более мягко, чем параллельный ему текст Врем. Идея царственной угрозы в Мал не подчеркнута, запрет не усилен угрозой.

Славянские соответствия греческих слов не вызывали у древнерусского читателя тех ассоциаций звукового уровня, которые шли от *φοῖνιξ* и проч. На славянской почве возникли свои зрительно-звуковые и глубокие идейно-эстетические ассоциации, подкрепляемые текстами славянских евангелий, переводами святоотеческих трудов, богослужебными текстами. Основанные на лексике связи с сакральными текстами прослеживаются и в русской книжности.

Были заимствованы лексемы *финиксъ* и *порфира* / *прапроуда*. В Древней Руси слово *финикъ*, *финиксъ* (*фоуникъ*, *фоуниксъ*, *фунникъ*, *фунниксъ*) было известно из стиха Псалтири: *праведникъ яко финиѣъ процвѣтетъ, яко кедръ иже въ Ливанѣ оумножитсѧ* (Пс. 91:13). Здесь *фуниѣъ*, как говорилось выше, — финиковая пальма.³⁹ Славянские книжники заимствовали ветхо- и новозаветные значения этой основы. Как видно, это заимствованное слово не напоминает русскому слуху ни порфиры, ни красного или крови.

³⁸ Хотя ввиду единственности списка Мал полностью исключить этого нельзя

³⁹ К. А. Максимович приводит весомые доводы в пользу отождествления в данном стихе на русской почве, так же как и в Византии, названия дерева с названием птицы Феникс (Максимович К. А. Птица Феникс в древнерусской литературе (К интерпретации образа) // Герменевтика древнерусской литературы XI—XIV вв. М., 1992. Сб. 5. С. 321—322).

Зато ассоциации с кровью есть у сущ. *багрянница* и *прапроуда* — полных синонимов-дублетов.⁴⁰ Например, в Путятиной минее XI в. читаем *багърянницѣ ѿ крови свѣтъло прѣмъдрага овлѣкъшисѣ* (стихира великомученице Ирине в службе 5 мая).⁴¹ Тема багрянницы развивается и в связи с темой Царства Небесного в противоположность земному. Так, в тропаре св. Пелагии «прапрудой»-багрянницей названо святое крещение, приняв которое, Пелагия отказалась от брака с наследником престола, т. е. от земной пурпурной одежды.⁴²

В данной работе на примере анализа одного сюжета мы хотели показать применимость к произведению средневековой хронографии критериев художественности. Анализ касался построения сюжета и признаков его цельности, расстановки персонажей и авторской точки зрения; обращено внимание на глубокие ассоциативные связи лексики рассказа с христианскими образами средневековья. Современный инструментарий литературоведческого анализа вместе с техникой сопоставления родственных сюжетов позволяет увидеть в средневековой византийской ХГА не просто заимствование, но творческие импульсы компилятора. Творческие импульсы обнаруживаются, далее, в славянских переводах. Дальнейшее направление исследования — определение места данного рассказа в общей композиции ХГА, анализ лексики, использованной в рассказе о Геракле, на материале всего памятника, поиск лексических перекличек с другими произведениями византийской и древнерусской литературы.

⁴⁰ В старославянских евангелиях Христа облачают в *прапрѣдънѣ ризѣ* (Старославянский словарь С 498), в древнерусских — *въ багъряноую ризоу* (Архангельское евангелие С 250)

⁴¹ Щеголева Л И Путятина минея в круге текстов и истолкования М, 2002 С 109 Ср в Супрасльской рукописи *Херсоньскыи градъ... въ багъра мѣсто и чръвькни с<ва>тънхъ ... кръвьж оукрашивъ сѣ* (Старославянский словарь С 782)

⁴² См об этом впервые Matveenko V A, Shchegoleva L I On the Reconstruction of the Protooriginal of Putiata's Menaion // Acts XVIIIth International Congress of Byzantine Studies Moscow, 1991 М, 1996 Р 180